

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК

Когда в 1945 году вышли переводы Г. А. Шенгели из Махтумкули, то имени Тарковского, как переводчика этого поэта, мы еще не знали. А между тем сборник переводов был значительным явлением для нашей культуры. А когда в Москве произошла очередная Неделя туркменской культуры, а Г. А. Шенгели прочитал свой перевод стихотворения Махтумкули «Ито ты?», я не могла не сравнить его с очень оригинальным, но лишенным новизны переводом того же произведения М. Тарковского.

Думалось, что Г. А. Шенгели достиг той высоты, выше которой продвигаться нельзя... Но оказалось — можно. Это выяснилось в переводах из туркменских поэтов Арсения Александровича Тарковского, отметившего на днях свое 75-летие.

Он, как и его предшественники, работает по подстрочным переводам. Но не приступает к обработке из, пока не услышит звучания оригинала. И не только потому, что перевод должен быть выдержан в размере подлинника. Этот вопрос часто оказывается праздным. А. А. Тарковский выливается в оригинал, переживает все пережитое автором — и только тогда начинает работать.

Из Махтумкули им переведено немало. Возьмем одну строфу из прекрасного стихотворения «Дне-дне», посвященного поискам Юсупа, сына Якуба (так он выразил свою печаль по сыну):

Быть может, он
на дне колодца?
Не он ли лунным светом
льется?
Иль в Кербеле Юсуп
найдется?
Иду, воззвав:
«Юсуп, Юсуп!»
Лучше не передать! И все
произведение выдержано в

А. А. Тарковскому — 75 лет

этом едином порыве выражения гора.

В любовной лирике Махтумкули, в которой употреблены и народные размеры, и торжественные размеры арабской метрики, есть одно произведение, которое пресобал переводить — и, на первый взгляд, не без успеха — М. Тарковский. Но размер его — ремель — так труден, а образцы в нем встречаются такие разнообразны, что за повторный перевод мог взяться только такой большой поэт, как А. А. Тарковский. И вот результат вдумчивого подхода к тексту. Махтумкули говорит:

О, друзья! Я полюбил ту,
чье лицо — роза и луна,
Ту, что цель,
устремлений всех,
ту, что стройна,
как цветок.

А. А. Тарковский второй стих ставит на первое место — и строфа приобретает несколько своеобразный, но не искаженный вид:

Соль желаний
всенародных,
Боль мечтаний полюбил я.
Розу лунную в небесном
Океане полюбил я.
Словой — и шум,
и ссоры

В Гулистане полюбил я.
Вдосверть носы тяжелой.
Как в дурмане, полюбил я.
Степь меня околдовала,
Путь, снятаний полюбил я.
Здесь уловлен труднейший
для русского стиха размер —
и для правильного чтения
(для пезуры) стих оригинала
как бы разбит на две части.
И этот новый прием для передачи
размера оригинала — результат
долгой, кропотливой работы
переводчика. Он достоин быть
подхваченным последующими
переводчиками.

Работа А. А. Тарковского-переводчика висит на себе печать высокой взыскатель-

ности, подчас одно произведение он переводит подолгу. Переведа, бывает недоволен, оставляет работу, даст ей полежать. Таков был перевод стихотворения Махтумкули, посвященного напрасному ожиданию милой.

Перевел А. А. Тарковский и такой красочный, в стихотворной части, порой высоко техничный дестан Молла-паса, как «Зохране и Тахир». Поэт-переводчик хорошо владеет стихом — и русский текст во многих местах звучит очень близко к оригиналу, и одновременно обладает большой художественной силой.

Особое место занимает в переводческом творчестве А. А. Тарковского Кемине. Переводит из его произведения А. А. Тарковский начал до войны: по крайней мере первый «Сборник песен и стихов» Кемине вышел в Москве в 1940 году.

Нельзя не отметить, что рукописи стихов Кемине не было. Они записывались из уст и на туркменском языке вышли впервые в том же 1940 году в Ашхабаде. К этому времени на русском языке стихи были напечатаны трижды.

Начиная с 1940 года, Арсений Александрович Тарковский переводит Кемине целиком. В 1952 году в Москве в сборнике «Классики туркменской поэзии» помещены стихи и Кемине. И почти всегда каждое новое издание стихов Кемине — это новый целиком или подновленный частично текст. Делается это незаметно, о том, что текст «переработан», «исправлен», «дополнен», не говорится.

Тарковский работает, как советовал себе Пушкин: Усовершенствуй плоды любимых дум.

Не требуя наград за подвиг благородный.

Происходит это от того, что А. Тарковский — прекрасный русский поэт, чьи оригинальные стихи выходят отдельными сборниками и даяво, и горячо приняты читателями.

Как-то мы с Аиджемал Омаровой зашли в отель «Ашхабад», где в это время жил А. А. Тарковский, приехавший к нам по приглашению Союза писателей СССР. И, как всегда, забавлялась с Арсением Александровичем беседа, живая и интересная. Он советовал Аиджемал писать сонеты. А потом поэт читал свои оригинальные стихи. Это было прекрасно. И я поняла, почему так отточена техника стихов переводных: она отработана там, в глубине его души, в оригинале. Патристические и антивоенные, пейзажные и любовные — все стихи Тарковского радуют силой дарования, высотой культуры, отличным русским языком и подкупающей искренностью.

Потом он подарил мне два сборника своих стихов, и теперь я знаю, что такой поэт в круг поэтов Туркмении вошел, чтобы умножить их славу, чтобы этих поэтов читала еще более обширная читательская масса, чтоб крепла дружба наших народов.

Ныне, в день 75-летия Арсения Александровича Тарковского, лауреата Государственной премии СССР им. Махтумкули, мы шлем ему поздравления доброго здоровья, многих светлых дней и счастливой работы — как над оригинальными стихами, так и над переводами туркменских поэтов, с которыми он так сдружился.

З. МУХАМЕДОВА,
доктор филологических наук,
член корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки СССР.

Туркменская Искра
г. Ашхабад

27 ИЮН 1982

94